Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Рецензия / Review
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)+85.334
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-276-286
https://elibrary.ru/DDOBJC

© 2023. Николай Подосокорский
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

О книге Робин Фойер Миллер «Неоконченное путешествие Достоевского»

Миллер Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

© 2023. Nikolay N. Podosokorsky
Novgorod State University "Yaroslav The Wise," Veliky Novgorod,Russia

About the Book by Robin Feuer Miller *Dostoevsky's Unfinished Journey*

Miller, R.F. *Neokonchennoe puteshestvie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Unfinished Journey*]. Trans. from English by A. Stepanov. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2022. 359 p. (Series «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Высшей гуманитарной школы «Антоново», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена монографии профессора русской литературы и компаративистики в Университете Брандейса Робин Фойер Миллер

«Неоконченное путешествие Достоевского», русский перевод которой был опубликован в 2022 году. Книга Миллер написана в русле компаративистских исследований и представляет собой собрание эссе автора на тему литературных влияний и интертекстуальности в творчестве Достоевского.

Ключевые слова: Робин Миллер, интертекстуальность, компаративистика, Сведенборг, «Преступление и наказание», Руссо, Метьюрин, «Дневник писателя».

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* О книге Робин Фойер Миллер «Неоконченное путешествие Достоевского» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 276–286. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-276-286

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, High School of Humanities “Antonovo,” Novgorod State University “Yaroslav The Wise,” Bol’shaya Sankt-Peterburgskaya 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review is dedicated to the monography by Robin Feuer Miller, professor of Russian Literature and Comparative Literature at Brandeis University, *Dostoevsky’s Unfinished Journey*, translated into Russian in 2022. Miller’s book is written in the spirit of comparative studies and collects different essays about literary influences and intertextuality in Dostoevsky’s work.

Keywords: Robin Miller, intertextuality, comparative literature, Swedenborg, *Crime and Punishment*, Rousseau, Maturin, *A Writer’s Diary.*

For citation: Podosokorsky, N.N. “About the Book by Robin Feuer Miller *Dostoevsky’s Unfinished Journey*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 276–286. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-276-286

Книга американского слависта, профессора русской литературы и компаративистики в Университете Брандейса Робин Фойер Миллер «Неоконченное путешествие Достоевского» была впервые опубликована в США еще в 2007 году, но ее русский перевод был издан только сейчас в серии «Современная западная русистика», в которой уже вышли и продолжают выходить западные (в основном американские) исследования о жизни и творчестве русского писателя (мне уже доводилось писать о книгах этой серии, см. [Подосокорский, 2022]). Труд Миллер представляет собой ряд оригинальных эссе автора на тему литературных влияний и интертекстуальности в творчестве Достоевского. Миллер касается самых разных проблем: от амбивалентного отношения Достоевского к русскому крестьянству

и крайней сложности определения жанра отдельных произведений писателя до использования в его текстах «метода гомеопатии» и трудностей в преподавании романа «Преступления и наказание» американским студентам.

Подобное путешествие мысли и чувства по чудесной Вселенной, созданной писателем, действительно, не может быть легко окончено, тем более что, ученая «путешественница» чаще ставит вопросы, на которые еще предстоит найти адекватные ответы. Миллер справедливо признает, что романы Достоевского «демонстрируют широчайший диапазон литературных влияний» [Миллер, 2022, с. 239], то есть расширять и продолжать такого рода исследования можно практически бесконечно. Полезность этого издания состоит в том, что оно позволяет нам лучше узнать, как в XXI веке воспринимают, изучают и преподают Достоевского в США. Типографское исполнение книги также заслуживает всяких похвал.

В главе «Обращение, идеи и их воплощение, духовное преображение: Достоевский и народ» автор рассуждает о «религиозном обращении» писателя. По всей видимости, она согласна с Джозефом Франком в том, что «Достоевский стал революционером только для того, чтобы отменить крепостное право, и только после кажущегося исчезновения всякой надежды на его конец» [Миллер, 2022, с. 20][1]. По словам Миллер, «перерождение Достоевского загадочно и парадоксально в той же степени, что и изображенные им в романах факты духовного преображения. Трудно определить, *когда именно* это обращение произошло: можно только в целом указать на изменение взглядов Достоевского после его возвращения из Сибири. Молодой человек, приговоренный к смертной казни за участие в радикальном кружке, отбывший десять лет каторги и солдатчины, вернулся в Петербург религиозным человеком, консервативным монархистом и адептом православия» [Миллер, 2022,

[1] Т.А. Касаткина в своей книге «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» великолепно описывает взгляды позднего Достоевского, согласно которым даже такие масштабные государственные события, как отмена крепостного права в России, стали возможны не по причине радикальной антиправительственной борьбы, но из-за «микроскопических действий и упорства» рядовых идеалистов, которые сами, своими личными усилиями практически добивались решения судьбы хотя бы нескольких человек, используя для этого вполне законные способы. «Убеждения же его заключались в том, что одна развитая личность способна радикально изменить мир, а цель — в донесении до читающих самого наличия этой возможности — и “технических” способов ее реализации. Во внедрении в них, так сказать, этого знания» [Касаткина, 2019, с. 252].

с. 22]. Исследовательница обращает внимание на то, что нравственный переворот, произошедший с Достоевским на каторге, на самом деле, стал «итогом долгого пути, уже вымощенного различными намерениями и убеждениями» [Миллер, 2022, с. 25], и что после окончания ссылки «в каком-то смысле он вернулся в литературу прежним» [Миллер, 2022, с. 28].

В главе «Вина, раскаяние и тяга к творчеству в “Записках из Мертвого дома”» Миллер, в частности, призывает прочесть это новаторское произведение Достоевского «как реалистический готический роман, поскольку действие происходит в отдаленном, изолированном месте, где царит тиранический режим, законы которого отличаются от правил, принятых остальным обществом, — и при этом могут отражать это общество в гротескном свете. Любимые топосы готического романа — замок, монастырь и тюрьма. Как и его готические предшественники, произведение Достоевского исследует психологию жертвы и обидчика, изобилует сценами, написанными контрастными красками, и отображает мир, где причудливо и неразрывно переплетено прекрасное и ужасное. Более того, как и в готическом романе, читатель “Записок” играет нелегкую роль, часто становясь свидетелем насилия» [Миллер, 2022, с. 54–55].

В главе «“Преступление и наказание” в учебной аудитории: слон в саду», которую сама автор считает «ключевой для всей книги» [Миллер, 2022, с. 12], содержится очень правильная установка относительно преподавания этого романа: «Прежде чем войти в класс, преподавателю нужно самому вдохновиться изучаемым текстом или по крайней мере хотя бы какой-то его частью. Это важнее, чем просмотреть свои записи или прочесть вторичные источники» [Миллер, 2022, с. 125–126]. Личный опыт и рекомендации Миллер в части преподавания Достоевского тем более актуальны сейчас, когда на Западе то и дело раздаются призывы *отменить* Достоевского и избавиться от «стереотипа о великой русской культуре»[2].

Любопытны рассуждения Миллер в главе «Появление и исчезновение тревоги в метафизическом романе: прочтение “Братьев Карамазовых” через оптику “Мельмота Скитальца”» — в своем анализе

[2] К сожалению, я не могу здесь дать ссылки на соответствующие материалы в зарубежной прессе, так как содержащиеся в них тезисы могут нарушать действующее законодательство РФ, но при соответствующих поисковых запросах они легко находятся. После 24 февраля 2022 года с подобными филиппиками в адрес русского классика, к сожалению, вынужденно столкнулись в социальных сетях многие российские достоевисты.

она опирается на теории «жуткого» и «фантастического» Зигмунда Фрейда и Цветана Тодорова и *поправляет* Михаила Бахтина. «<...> Идеи Бахтина о присвоении Достоевским некоторых ключевых приемов менипповой сатиры, хотя и стали аксиомами, всегда могут быть пересмотрены учеными. В более поздних манифестациях этого жанра Нортроп Фрай решил заменить “довольно обманчивое выражение *мениппова сатира*” словом “анатомия” и пришел к выводу, что ключевой ингредиент романов анатомии и гибридных образований (таких как как *roman a thése*) — читательское восприятие бесформенности произведения. <...> Метьюрин и Достоевский с самого начала творческого пути подвергались критике за “бесформенность” своих сочинений. У каждого из них аналогии с музыкой — вариации на определенные темы, экспозиции, репризы и, прежде всего, полифония — могут прояснить порядок и структуру, когда не работают такие инструменты, как анализ линейного развития сюжета, типичного для “чистого” реализма и традиционной структуры повествования» [Миллер, 2022, с. 237–238].

В главе «Опасные “путешествия к обращению”: приключения во времени и пространстве» Миллер исследует причудливую взаимосвязь добра и зла в романе «Братья Карамазовы» через *метод гомеопатии*. По ее предположению, черт Ивана Карамазова, «независимо от того, является ли он галлюцинацией или демоническим двойником, гомеопатически дублирует симптомы болезни Ивана; он передразнивает и издевается над собственными словами, идеями и сомнениями своего собеседника. Таким образом, Иван, отшатнувшись от опасного удвоения самого себя, смог, если верить принципам гомеопатии, приступить к самолечению» [Миллер, 2022, с. 293]. Интересен и взгляд автора монографии на «медицинские проблемы» самого черта, выход которого «за пределы общепринятой медицинской практики в область народных средств и капель от миланского графа говорит об обращении к направленной против официоза гомеопатической практике» [Миллер, 2022, с. 297].

Теперь отмечу в рецензии то, что мне представляется ошибочным или вызывающим вопросы к автору. Рассуждая об отношении писателя к русскому крестьянству, Миллер пишет, что «мужик (т. е. крестьянин — *Н.П.*) часто изображается Достоевским как злодей или символ зла» [Миллер, 2022, с. 11], и что «крестьянин сам становится сложным текстом, который герои, не принадлежащие к крестьянству, должны расшифровать, чтобы вырасти духовно» [Миллер,

2022, с. 11]. Думается, что эти оценки применимы вообще к любому человеку в творчестве писателя, а отнюдь не только к представителям крестьянства. Когда, к примеру, юный Ф.М. Достоевский в знаменитом письме к старшему брату Михаилу от 16 августа 1839 года писал, что надо разгадывать *человека* как *тайну* [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 63], то он, конечно, имел в виду человека как такового, безотносительно его социального и иного статуса. Точно так же, не менее «сложным текстом» являются практически все герои писателя, большинство из которых к крестьянству не относятся.

Удивительно читать о том, что «суровое обращение отца с крестьянами, которых Достоевский-сын любил, даже вне факта последующего убийства, могло пробудить в писателе острое чувство социальной и политической несправедливости и внушить ему глубокое сострадание и интерес к народу» [Миллер, 2022, с. 22]. Получается, что если бы отец Достоевского не был излишне жесток со своими крестьянами, то никакое сострадание к «униженным и оскорбленным», «бедным людям» в будущем писателе не зародилось бы? Трудно согласиться и с тем, что на каторге Достоевский испытывал особую неприязнь именно к заключенным-крестьянам [Миллер, 2022, с. 23], как будто принадлежность к крестьянскому сословию, а не нравственный облик человека, была в его глазах отягчающим фактором в оценке арестанта.

Сомнительными кажутся утверждения, что Достоевский «конъюнктурно заимствовал» у Сведенборга [Миллер, 2022, с. 201] описания визионерского опыта последнего или «заимствовал» [Миллер, 2022, с. 14] некоторые элементы у Ч. Метьюрина, хотя сама же автор признает, что «прямое текстуальное влияние Метьюрина на Достоевского трудно доказать на конкретных примерах» [Миллер, 2022, с. 244]. Здесь уместнее было бы говорить не о «конъюнктурных» заимствованиях, а о вполне естественных литературных влияниях. Впрочем, Миллер в другом месте упрекает писателя не только в том, что он «бессознательно заимствовал», но и в том, что он «даже порой крал чужие произведения и идеи» [Миллер, 2022, с. 318]. Как пример «плагиата» она приводит лишь один случай, связанный с использованием в романе «Братья Карамазовы» легенды о луковке, которая ранее была опубликована в собрании русских легенд А.Н. Афанасьева. В то, что эту народную легенду писатель мог узнать и записать и помимо обращения к труду Афанасьева, Миллер почему-то отказывается верить.

Непонятно, что имеет в виду автор, когда пишет о периодическом «извращении» Достоевским веры в Бога: «Во всем творчестве Достоевского опыт обращения оказывается пугающе хрупок, ибо его движение к Богу чуть ли не в любой момент грозит изменить направление и превратиться в свою противоположность. Обращение балансирует на грани “извращения”, а преображение или исцеление могут, если так сложится калейдоскоп, стать искажением или болезнью» [Миллер, 2022, с. 15].

Никак не раскрыт заявленный тезис, что Достоевский «ненавидел» жанр, в котором писали «обладающие даром красноречия и широко образованные писатели-популяризаторы» [Миллер, 2022, с. 15]. Кого конкретно и за что именно он «ненавидел»?

Нельзя согласиться с резким противопоставлением исследовательницей голосов Достоевского-публициста и Достоевского-художника. Она отмечает, что «в публицистических статьях Достоевский часто доводил свои убедительные прозрения и идеи до неоправданной или, по крайней мере, смехотворной для читателя крайности» [Миллер, 2022, с. 37], в ряде случаев «голос Достоевского-публициста доходит до шутовства, до грандиозного преувеличения, так что писатель, подобно Лебедеву (или даже Мышкину) в «Идиоте», подрывает собственные заветные идеи» [Миллер, 2022, с. 37]; журнальную риторику статей Достоевского 1860-х годов Миллер расценивает как «эфемерную» [Миллер, 2022, с. 79] и т.п. Полагаю, что иная форма выражения писателем своих заветных взглядов и идей вовсе не сводится к «шутовству» и «смехотворству», скорее речь может идти о сугубо технических приемах, рассчитанных на донесение своих взглядов до максимально широкой аудитории, больше воспринимающей яркие эмоции, чем строгие рациональные построения. Тем более что сама Миллер в другом месте цитирует важное замечание Достоевского о том, как люди его века в целом воспринимали обращенные к ним слова: «Отчего в наш век, чтоб высказать истину, все более и более ощущается потребность прибегать к юмору, к сатире, к иронии; подслащать ими истину, как будто горькую пилюлю?» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 53; Миллер, 2022, с. 44].

Впрочем, в книге хватает упреков и в адрес Достоевского-художника. Например, Миллер отмечает, что «как писатель, Достоевский всегда был стратегом и манипулятором» [Миллер, 2022, с. 79]. По ее мнению, «иногда Достоевский перебарщивает, и тогда его

повествовательная лодка тонет в болоте приторной сентиментальности, — согласитесь, что в определенные моменты это происходит в таких произведениях, как “Белые ночи”, “Мальчик у Христа на елке”, “Мужик Марей” и “Сон смешного человека”» [Миллер, 2022, с. 118].

В пятой главе «Трансформации, разоблачения и признания Руссо в “Бесах”» Миллер много рассуждает о связи мастурбации с чтением художественной литературы и зачем-то (без специальных пояснений) иллюстрирует свои размышления уничижительными по отношению к Достоевскому высказываниями, вроде следующего: «Д.Г. Лоуренс охарактеризовал свою неприязнь к чтению Достоевского и других “болезненно самопоглощенных русских” в сходных терминах (хотя позднее изменил свое мнение). Он указывал, что Достоевский “болезненно погряз в поклонении Иисусу, а затем встал и плюнул Ему в бороду. <…> Все это мастурбация, все это непродуманно, и от этого устаешь”» [Миллер, 2022, с. 160].

В этой же главе Миллер указывает на то, что «Достоевский нередко путал возраст своих персонажей» [Миллер, 2022, с. 167]. Исследовательница «показывает» это на следующем примере: «Прирост лет героев в его романах часто не совпадал с течением времени, и Верховенский-старший не исключение. Во вступительной главе говорится, что ему “пятьдесят три года”. Затем, когда начинается действие, Варвара Петровна, уговаривая Степана Трофимовича сделать предложение Даше, нетерпеливо восклицает: “Что значат ваши пятьдесят три года!”. Однако неясно, относится ли первое упоминание о возрасте к событиям, произошедшим за несколько лет до основного действия романа. Ясно, однако, то, что Достоевский мысленно дает своему герою пятьдесят три года независимо от течения времени» [Миллер, 2022, с. 167]. Здесь необходимо отметить, что, во-первых, Миллер сама не уверена, к какому именно периоду относится первое упоминание «пятидесяти трех лет» героя, а, во-вторых, в последнем случае если кто и «путает» возраст Степана Трофимовича, то не Достоевский, а Варвара Петровна Ставрогина!

Не всегда кажутся мотивированными, убедительными и продуктивными и многочисленные сопоставления исследовательницей разных текстов друг с другом. Приведу несколько характерных для научного метода Миллер сравнений, которые не кажутся мне обоснованными: «Длительные скитания Руссо во многом вдохновлялись его непоколебимой, навязчивой, во многом надуманной

боязнью заговоров, которые все вокруг якобы плели против него. Он рассказывает, как получал анонимные письма, и ишет, что у него “врожденная боязнь потемок; я страшусь мрака и ненавижу его; тайна всегда тревожит меня. <…> …если б я увидел ночью фигуру в белой простыне, меня охватил бы страх”. Точно так же, отправляясь в бегство, Верховенский встречает Лизу и говорит ей: “Бегу из бреду, горячечного сна…”» [Миллер, 2022, с. 173]. Думается, что в двух этих ситуациях (реальной и вымышленной) речь идет вовсе не об одном и том же, и такое их сопоставление никак не помогает нам лучше понять роман Достоевского.

Столь же сомнительно и сравнение Достоевского с Руссо в негативном ключе на основе злых замечаний двух критиков (В.Г. Белинского и Н.Н. Страхова), с которыми у Достоевского были весьма сложные и порой неприязненные личные отношения: «Неотразимая ирония заключается в том, что сам Достоевский часто походил на Руссо, с которым так страстно спорил в своих произведениях. И Белинский, и Н.Н. Страхов обращали внимание на некое негативное сходство между ними. Белинский писал П.В. Анненкову о Руссо: “Я… возымел сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Дост<оевского>…”. Страхов в письме к Толстому, резко критикуя Достоевского, называя его злобным, завистливым, развратным, добавлял: “Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым”» [Миллер, 2022, с. 183]. Замечу, что эти откровения больше говорят нам о самих Белинском и Страхове, нежели о Достоевском.

Нелогичным представляется вывод, сделанный профессором Миллер из главки Достоевского «Золотой век в кармане», входящей в «Дневник писателя» 1876 года — в ней писатель утверждает, что каждый, «если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех» и «всех увлечь за собой» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 13]. Исследовательница же по этому поводу отмечает: «Едва ли можно найти утверждаемое автором чисто утопическое явление, кроме, пожалуй, одного момента в статье “Золотой век в кармане” (1876) из “Дневника писателя” и импликаций некоторых наставлений старца Зосимы.) Рай как безвозвратно потерянный мир, образ которого создавали такие разные авторы, как Джон Мильтон, Иван Гончаров и сам Достоевский, можно вообразить и полюбить, но вновь обрести его человек может только во снах или произведениях искусства» [Миллер, 2022, с. 207]. Это противоречит взглядам писателя, верив-

шего, что рай может быть практически возможен и подлинно реален в нашей непосредственной действительности — для этого нужны лишь соответствующая воля и открытость сердца самого человека.

Рассуждения Миллер о проблеме жанра также провоцируют на дискуссию. С одной стороны, она признает, что Достоевский «никогда не использовал тот или иной жанр или устойчивую литературную форму в чистом виде» [Миллер, 2022, с. 194], с другой — продолжает настаивать на том, что «в идеале отнесение литературного произведения к определенной категории должно освещать и углублять наше первоначальное восприятие его» [Миллер, 2022, с. 231]. В этой связи ее общие рассуждения о теории жанра могут мало что прояснить в текстах Достоевского, особенно если подходить к ним со следующими установками: «По мысли исследователей, определив жанр, можно понять и персонажа. Если, например, перед нами утопия, то мечтатель — это дальновидный идеалист. Если же рассказ представляет собой антиутопию, или дистопию, то его герой — разочарованный солипсист. Если сюжет основан на ряде фантастических сновидений, то персонажа следует толковать психологически» [Миллер, 2022, с. 194].

Не обошлось в книге и без опечаток. Так, писатель Нестор Кукольник поименован «Николаем Кукольником» [Миллер, 2022, с. 162].

В целом же этот оригинальный и яркий труд в очередной раз побуждает перечитать классические произведения Достоевского и дополнительно исследовать их богатый историко-культурный контекст.

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.
3. Миллер, 2022 — *Миллер Р.Ф.* Неоконченное путешествие Достоевского / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.
4. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* Функция предисловий в творчестве Ф.М. Достоевского (о книге Л. Бэгби) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. №1 (17). С. 167–179. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

2. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: the Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

3. Miller, R.F. *Neokonchennoe puteshestvie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Unfinished Journey*]. Trans. from English by A. Stepanov. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2022. 359 p. (In Russ.)

4. Podosokorskii, N.N. "Funktsiia predislovii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (o knige L. Begbi)" ["The Function of Introductions in Dostoevsky's Work (About L. Bagby's Book)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (17), 2022, pp. 167–179. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179

Статья поступила в редакцию: 15.02.2023
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 22.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 15 Feb. 2023
Approved after reviewing: 20 Feb. 2023
Accepted for publication: 22 Feb. 2023
Date of publication: 25 March 2023